

Розов В. С.

17/VIII-88

Вет. Ленинград

17 августа 1988 года

КЛУБ ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

«Каждый сам себе заведующий»

Таков «девиз» встречи известного советского драматурга Виктора Сергеевича Розова, автора пьес «Вечно живые», «В добрый час!», «В поисках радости», «Традиционный сбор», с ленинградскими книголюбями, которая состоялась недавно во Дворце культуры и техники работников связи.

— Начну с рассказа о профессии писателя. Еще когда учился, думал: что за чудо такое — литература, как она создается? Лучше других объясняют это сами творцы, все говорят примерно одно и то же: магия, таинство, особое состояние духа. Это времяпровождение, свободное волеизъявление, воля вольная. В школе учат: писатель должен, писатель обязан — это неправда. Писатель пишет то, что думает, или не пишет совсем. Не случайно в тяжелое время многие молчали.

Я преподаю в Литинституте. Вижу несвободу, которая вошла в человека органически. Мне часто приносят случаи из жизни, а я очень ценю вымысел. Австрийский драматург Грильпарцер говорил: искусство так относится к жизни, как вино к винограду. Искусство — квинтэссенция жизни, а у нас больше ценят публицистическое содержание. Воображение часто выдает то, чего никак не ожидал, надо доверять ему. В веймарском кабинете Гете стоят две конторки и три стола. Я был удивлен: зачем столько? Потом представил, как кружил по комнате этот олимпийский орел. Мысль рождалась, он ее тут же, никуда не

отходя, записывал. Бывает, думаем: уж это я не забуду — забываем. Сразу надо записывать — улетит...

Упреки надо переносить молча, даже несправедливые. Студенты часто жалуется, а я говорю: это условия труда. Шахтер работает под землей. Что если загрустит о птичках, голубом небе? На какие-то уступки идешь, но надо знать предел. Можно отказываться от мелочей, но не от главного. Литература в России всегда выполняла функции парламента, оппозиции, поэтому за ней следили: нет ли крамолы? А если человек ищет крамолу, он ее обязательно найдет. Не надо поддаваться.

— Вы считаете, что не нужно протестовать, не стоит бороться с несправедливостью?

— Стоит. Я мало сопротивлялся. Запрещали — не бежал, не просил. В борьбе мы часто стерженеем: злоба, обида вызывают в нас ненависть. Из человека порядочного легко превратиться в того, против кого борешься. Очень важно сохранить себя. Если деформируешься — бросай бороться! Не умеешь вести борьбу — пропадешь!

— Ваше мнение о роли, месте литературы сегодня?

— Роль большая, места мно-

го. А что даст? Все загадочно, часто поперек здравого смысла. Понимаю, почему для многих Сталин — идеальный герой: войну выиграл, цены снижали... Я учился в Москве, а в Кострому возил колбасу, селенку. В тридцатом — тридцать первом годах помню вой вокруг Костромы: шла коллективизация, прятали детей, сами прятались, поджигали дома! Какой кошмар! Как будто люди этого не знают. Боже мой, цены снижали... Литература разъясняет все это.

— Что вы думаете о состоянии современной драматургии?

— Она сейчас на распутье. Пауза хорошая, надо подождать. Это хорошо, что нет поспешности.

— Как относитесь к пьесам Михаила Шатрова?

— Он делает большое дело, структуру нашего общества возвращает к ленинским принципам. Но пьесы публицистические мне менее близки, чем психологические. Я в театре люблю проливать слезы, переживать. Не могу переживать, когда Ленин спорит, например, с Бухариным... Ну спорьте! Я же знаю все, что получилось из этого.

— Как вы отреагировали на статью Н. Андреевой?

— Когда вышла — испугался, а больше испугался, когда на нее долго не было ответа. Потом появился в «Правде»...

Сейчас пытаются навести порядок, но сколько противоди-

ствующих сил! Ведь многим чиновникам хорошо жилось при Брежнев. Надеюсь, новое победит. Страшное наследство досталось: обнищание, афганская война — расхлебывать надо достойно. Почему наш народ, победивший в войне, должен стоять в унизительных очередях? Во главе всего не насилие должно быть, а заинтересованность.

Недавно письмом получил от человека, который ругает меня за то, что я поддерживаю индивидуальную трудовую деятельность. Много завистников развелось. Завидуют красоте, таланту, сноровке. Хотите иметь деньги — работайте! Это вопрос нравственный: людям надо давать возможность проявиться. А у нас вместо знающих дело назначают по анкетным данным. Это преступно. Мы до сих пор говорим: Елисейский магазин... Морозов, Мамонтов, Третьяков понимали дело, вот и справились. Это были таланты! Если человек лжив, коварен, чего от него ждать? Если ответственный перед собой, выстроил себя правильно, значит, ответственный будет и перед семьей, перед страной. Люблю повторять: каждый сам себе заведующий. Утрачены вечные ценности. Триумфальную арку в Москве строили в честь победы над Наполеоном — снесли, а теперь поставили на Поклонной горе, где Наполеон входил в Москву. У нас все

пронизано политикой, но не все проникнуто разумом.

— Считаете ли вы возможным и нужным издание книг Солженицына?

— «Архипелаг ГУЛАГ» я бы издал. В отличие от уже напечатанного там названы имена и преступников, и мучеников.

— Что происходит в Союзе писателей?

— Что пезде.

— Есть ли разница между Союзом писателей при Мариюве и Карпове?

— Есть. В атмосфере. И, знаете, не так бесстыдно издают свои произведения. Я вообще против любых званий. Для плохого писателя это брешь. Должны существовать поощрения от союзов писателей, журналистов, не надо государственных премий — это сразу возводит писателя в ранг государственного деятеля.

— Что вы можете сказать о противостоянии журналов «Новый мир», «Огонек» — «Наш современник», «Молодая гвардия»?

— Это естественно. В России всегда были прогрессивные и реакционные журналы. Человек имеет право на свое мнение. Другое дело, думают ли они так, как говорят. Советской власти досталась империя. Раньше так и писали: покорение Сибири, покорение Кавказа. Покорение, а не дру-

жеское присоединение. Поэтому национальный вопрос столь болезнен. Ничего не понимаю про народ — богоносец. Не могу гордиться тем, что я русский, что родители русские, — это значит неуважение к другим национальностям.

— Как вы относитесь к современной молодежи?

— Хорошо. Нас тоже ругали за танго, за фокстрот. Это традиция такая — ругать молодежь. Она полна жизненных сил, а понимание жизни несложное, вот и происходят взрывы, срывы. По телевизору теперь часто «несунов» показывают, а я всегда думаю: завтра сын такой «несунов» придет в школу, и ему скажут: мы твою маму видели... На обсуждении спектакля по моему «Кабанчику» один мальчик спросил: «Почему вы пьесу назвали драмой? Это же трагедия». Я подумал, действительно, по Аристотелю трагический герой несет на своих плечах чужую вину. А учительница встала и сказала, что герой поступил неправильно, он должен был, как Павлик Морозов, донести на отца. Вот и смотрите: кто из них лучше?..

— Какого человека можно считать культурным, интеллигентным?

— Кто ведет себя порядочно. На репетициях «Аины Карениной» во МХАТе консультант говорил о светском обществе: это когда человек видит, что окружающим неудобно, и старается сделать удобно.

Большинство пьес В. Розова для нас — воплощение «оттепели» конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Однако упрямое стремление драматурга убедить каждого в необходимости своей, обязательно своей собственной дороги оказывается необыкновенно важным и нужным именно сегодня.

Записала М. АБЕЛЬСКАЯ